

Юрий Кургузов

ОНА УЧИЛА НАС ИСТОРИИ И ЖИЗНИ

(Педагогические и человеческие таланты
ученого-медиевиста
Галины Ивановны Липатниковой)

Юрий Митрофанович Кургузов родился в 1957 году в Воронеже. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического института. В Центрально-Черноземном книжном издательстве прошел путь от корректора до директора. Возглавляет областной Дом литератора. Автор мистических, детективных, фантастических, реалистических произведений, сборника публицистики «Встречи с эпохой» и др. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Лауреат премии журнала «Подъём» «Родная речь», литературной премии «Кольцовский край». Живет в Воронеже.

В авторском предисловии к циклу очерков «Колесо Истории» я, вспоминая годы учебы на истфаке Воронежского государственного педагогического института, написал: «...волшебный мир Ея Величества Истории! Археология, этнография, вспомогательные исторические дисциплины, история Древнего Мира, Средних веков, стран Запада и Востока и все прочее... Ну просто сказка! И Древним Миром и Средневековьем я болен до сих пор и страшно благодарен за то трем главным для меня, открывшим мне эти чудесные миры замечательным ученым и людям — доктору исторических наук, профессору ВГПУ Арсену Тиграновичу Синюку (тогда он еще был с нами. — Ю.К.) и, увы, покойным уже давно Галине Ивановне Липатниковой (Средние века) и Галине Николаевне Болдыревой («Восток»). Их лекции и семинары, спецкурсы, подготовка под их руководством различных докладов, рефератов, «монографий», курсовых работ... Темы самые разнообразные — от папуасов Новой Гвинеи до мушкетеров и sfumato Леонардо да Винчи. Господи, ну как же это было здорово!..»

И в год 100-летия со дня ее рождения (составший, кстати, с объявленным в Российской Федерации Годом педагога и наставника) мне очень хочется вспомнить и отдать дань глубочайшего уважения и великой признательности одному из лучших наших институтских преподавателей, прекрасному ученому-медиевисту Галине Ивановне Липатниковой...

Г.И. Липатникова

Она родилась 18 октября 1923 года в селе Московском Каширского района Воронежской области. Родители — сельские интеллигенты: отец, Иван Лаврентьевич, — ветфельдшер, мать, Лина Дмитриевна, — учительница. У Галины были еще две старшие сестры, Валентина и Людмила...

(Вообще-то, многоуважаемые читатели, должен сказать, что родословная Галины Ивановны стала мне известна относительно недавно, а в годы учебы в институте (1978–1983) я думал, что она, извините за штамп, из «бывших». В ее облике, речи, стиле поведения, манере держаться было столько... даже и, знаете ли, аристократизма, (в меру) утонченности, строгости, сдержанности, что на фоне других — тоже далеко не «простых» — преподавателей она казалась персоной иного порядка и плана, гостьей из какой-то нездешней, уже давным-давно ушедшей реальности. Получается, ошибался, но...)

В связи с необходимостью поступления старших сестер Липатниковых в вузы семья в 1934 году переехала в Воронеж. Валентина стала студенткой медицинского института, а Людмила — географического факультета ВГУ. Доктор исторических наук, профессор Нина Тимофеевна Сапронова (1928–1999), многие годы заведовавшая кафедрой всеобщей

истории Пединститута, в своих воспоминаниях о Г.И. Липатниковой писала:

«Студенческая жизнь захватила обеих сестер. Появились новые знакомые, друзья, коллеги по общественной работе. В жизнь семьи вошел молодой поэт, тоже студент, Константин Гусев. По вечерам в свободное время на Садовой, 14 (дом Липатниковых. — Ю.К.) собиралась молодежь: читали стихи, слушали классическую музыку, а иногда и пение, с которым выступала солистка театра оперетты Клавдия Федорова, родственница Лины Дмитриевны. И — дом превращался в литературно-музыкальный клуб, своеобразный очаг русской культуры довоенного времени, а ученица школы Галина, любимым занятием которой было чтение, становилась не только свидетелем, но и прямым участником тех вечеров. Так зарождалась и укреплялась любовь к поэзии и музыке, которую будущий ученый пронесла через всю жизнь...»

И все, в общем-то, шло своим чередом, но вдруг... В 1937 году по ложному доносу был арестован и осужден как «враг народа» Иван Лаврентьевич Липатников. Приговор — три года тюрьмы (по тем временам достаточно мягкий). Отбыв срок, он вышел на свободу, а Галина, окончив в 1941 году школу и скрыв факт судимости отца, поступила на факультет иностранных языков нашего пединститута. Когда же к Воронежу подошли немцы, она уехала к тете в Анну, а потом — в город Вельск Архангельской области, где жила и работала после окончания ВГУ ее сестра Людмила, ставшая женой того самого молодого поэта Кости Гусева. Кстати, в будущем известный уже поэт, переводчик, эсперантист К. Гусев посвятит Липатниковой шуточное стихотворение о своем пребывании в санатории, начинающееся словами:

Ты знаешь, милая свояченица,
так жизнь курортная ярка,
такие страсти разворачиваются,
что меркнут средние века...

Далее следует ироничное описание этих самых «страстей», а в конце поэт скучает и ждет скорой встречи с родным Воронежем:

Он завтра предо мной раскинется, как средь рассветной полумглы, где женщины тихи, как схимницы, и, словно майский день, милы. Милы душевной ширью, близкою и чистой, словно ширь морей, где встречусь я с медиевисткою, свояченицей моей...

В Вельске Галина Ивановна работала воспитателем в детском доме и продолжала учебу (заочно) — в Архангельском педагогическом институте.

Во время войны многие вузы были эвакуированы в другие города. В 1942 году переехал в Саратов знаменитый Ленинградский университет, учиться в котором было страстной мечтой Галины Ивановны. И мечта эта сбылась: с 1 октября 1943 года она стала студенткой исторического факультета ЛГУ. А в мае-июне 1944-го, после прорыва Ленинградской блокады, университет вернулся в город на Неве. Но сначала студенты и преподаватели работали на восстановлении серьезно пострадавшего учебного корпуса. Потом приступили к занятиям, хотя условия были очень тяжелые: отсутствие теплой одежды, скудное питание. Но тяга к знаниям побеждала все трудности. Особенно студенты любили лекции профессоров С.В. Окуня и М.А. Гуковского.

Семен Бенцианович Окунь (1908–1972) специализировался на изучении общественных движений и классовой борьбы в России XVIII–XIX веков, колониальной политики царизма на Дальнем Востоке, однако думаю, что гораздо большее внимание Галины Ивановны вызывало другое направление его научной деятельности — история русского военного и военно-морского искусства.

Но, конечно, главную роль в формировании у студентки Липатниковой глубочайшего интереса к истории культуры в целом, и особенно — к искусству Возрождения сыграли лекции Матвея Александровича Гуковского (1908–1971). Будущий заведующий кафедрой истории средних веков ЛГУ, директор Научной библиотеки Государственного Эрмитажа, член Международного института по изучению Леонардо да Винчи (г. Амбуаз,

Франция), автор фундаментальных работ «Механика Леонардо да Винчи», «Итальянское Возрождение», «Рождение и гибель Итальянского Возрождения» и других, Матвей Александрович был блестящим ученым и кумиром своих учеников. А еще одним «преподавателем» Галины Ивановны стал Эрмитаж, который она посещала несчетное число раз.

Но — увы: случилась беда. Галина Ивановна заболела. Причиной тому — (повторюсь) нелегкие бытовые условия, отсутствие полноценного питания, а главное — то, что в военные и первые послевоенные годы студенты постоянно привлекались к общественным работам. И вот, не имея теплой одежды, трудясь холодной зимой 1946-го на уборке ленинградских улиц, Галина Ивановна очень сильно простудилась. Болезнь дала осложнение — ревматизм. И не просто ревматизм, а ревматизм сердца...

Строки автобиографии Г.И. Липатниковой скупы и лаконичны: «В 1946 году я тяжело заболела и временно оставила учебу. В 1947 году переехала на жительство в Воронеж, где жили мои родные...» (Мать и сестра Валентина с семьей; отец умер в 1944 году. — Ю.Ж.) А осенью 1947-го Галина Ивановна продолжила учебу — на историко-филологическом факультете Воронежского университета. Но и в Воронеже помимо занятий приходилось работать на восстановлении разрушенного войной города. И никаких скидок на «состояние здоровья» Галина Липатникова себе не просила.

В учебе она была среди первых. Ее выделяли профессор С.А. Покровский (история СССР) и доцент А.Е. Москаленко (средние века). Окончив же в 1949 году с отличием университет, Галина Ивановна становится аспиранткой у недавно переехавшего в Воронеж из Ашхабада заведующего кафедрой всеобщей истории ВГУ, ученого широчайшего научного и творческого диапазона профессора Ильи Николаевича Бороздина. И, наверное, именно под его влиянием тему диссертационного исследования аспирантка Липатникова выбрала следующую: «Пражский университет и общественная жизнь

Чехии во второй половине XIV — начале XV вв.». (Возможно, изреку крамолу, но мне кажется, что будь здесь только ее воля (при всем уважении к средневековой Чехии), тема диссертации была бы несколько иной. Как-то поближе к... Италии.)

Последующие годы стали для Г.И. Липатниковой очень напряженными. Готовя диссертацию, она месяцами работала в Государственной библиотеке имени В.И. Ленина. Плюс (из автобиографии): «Со второго курса аспирантуры я включилась в преподавательскую деятельность. В университете читала курс истории южных и западных славян, вела практические занятия». И — Галина Ивановна, по причине огромной загруженности, не укладывается в трехлетний срок защиты диссертации. «...В 1952 г. я окончила аспирантуру без защиты диссертации. С февраля по июль 1953 г. в связи с уходом в творческий отпуск основного преподавателя (доцента А.Е. Москаленко. — Ю.К.) я временно работала старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Воронежского университета...»

Но, наконец, 23 декабря 1953 года состоялась защита — блестящая защита (и первая из аспирантов кафедры всеобщей истории ВГУ) Галиной Ивановной кандидатской диссертации. А в январе 1953-го она: «...получила направление в Нежинский пединститут (Украинская ССР. — Ю.К.), где работала старшим преподавателем кафедры всеобщей истории до сентября 1956 г. В 1954–55 гг. я руководила кафедрой всеобщей истории. В Нежинском пединституте вела курсы истории древнего мира и истории средних веков, руководила педагогической практикой студентов...»

А в 1956 году происходит слияние исторических факультетов Нежинского и Полтавского институтов. Галина Ивановна переезжает в Полтаву и два года работает в педагогическом институте старшим преподавателем кафедры истории, так же, как и в Нежине, читая годовые курсы лекций по истории древнего мира и средних веков. Вообще, надо сказать, разработку и ведение двух таких

фундаментальнейших курсов (а в Нежине была еще и археология!) — колоссальная нагрузка на преподавателя. Однако же именно в Полтаве Галина Ивановна смогла плотнее заняться научно-исследовательской деятельностью: опубликовала ряд работ, посвященных средневековому Пражскому университету, и участвовала в республиканских исторических конференциях. «...В июне 1958 г., на научной конференции историков Украины, я выступила с докладом “Гуситское движение в русской дореволюционной историографии”...» Но...

Но, несмотря на все научные и педагогические достижения и высокую оценку деятельности Галины Ивановны, руководство Полтавского института не смогло помочь ей получить квартиру. И в 1958 году Липатникова переезжает в Муром; работает в Муромском пединституте — читает курсы уже разрозненных дисциплин, а также готовит и начинает преподавать прекрасный факультативный курс «Культура Италии эпохи Возрождения». В феврале 1960-го на межвузовской конференции по проблемам историографии выступает с докладом «Некоторые вопросы генезиса феодализма в трудах современных чехословацких ученых».

И вот в том же 1960 году в нашем Воронежском пединституте открывается вакансия старшего преподавателя истории средних веков. В Муроме Галина Ивановна квартиры тоже не получила, периодически возникали проблемы со здоровьем, и она решила вернуться на родину. К тому же в Воронеже жила семья сестры Валентины, а главное — научные интересы Липатниковой во многом пересекались с таковыми воронежской школы славистов, многие из которых были ее большими друзьями.

И в 1960 году Галина Ивановна «выигрывает конкурс» и становится преподавателем средних веков кафедры истории ВГПИ. И «воронежский период» ее жизни и деятельности будет самым плодотворным. Охарактеризовать его подробно здесь просто невозможно. Скажу лишь, что и научно-исследовательская, и педа-

гогическая деятельность доцента Липатниковой вписала очень яркие страницы в летопись не только исторического факультета, но и всего нашего вуза в целом.

Ну, а теперь, уж извините, «о личном», и заранее прошу прощения за чрезмерное «яканье». Но дело в том, что большая часть воспоминаний о Г.И. Липатниковой (кроме, конечно, непосредственно учебы) связана именно с общением с ней в процессе моей студенческой научной работы под ее руководством. И общение то — мой главный «исторический источник».

Итак — в 1979 году мы перешли на второй курс, и в числе новых предметов появился самый для меня долгожданный — «Средние века». И вместе с ним — Галина Ивановна Липатникова. Я говорил уже о том впечатлении, которое она производила на окружающих. Добавлю, пожалуй, лишь несколько штрихов. Негромкоречивая, отменно (порой до жути) вежливая в любой педагогической ситуации, и — что просто приводило меня в (естественно) внутренний, немой восторг — удивительное чувство юмора: внешне неброского, тонкого, иногда с двойным, а то и тройным подтекстом, но, думаю, не обидного для объекта приложения (хотя, возможно, потому, что еще и не всякий «объект» его, этот самый юмор, ощущал). Кстати, вот мы с сокурсниками до сих пор с улыбкой вспоминаем один эпизод. На удаче зачета по спецкурсу «История культуры эпохи Возрождения» некто из наших ребят конкретно «поплыл». Не помню уже на ком — Леонардо, Рафаэле, Тициане?.. Галина Ивановна абсолютно не «топила» его, подкидывала несложные дополнительные, а то и прямо наводящие вопросы — но все бесполезно: бедняга краснел, бледнел, сопел, пыхтел и, наконец, совсем сник, уронив очи долу. А у него были красивые волнистые золотистые волосы, и Липатникова с еле уловимой микроскопической смешинкой в больших, очень выразительных глазах вздохнула: «Ну и что прикажете делать с вами, мальчик с головой Давида?..» (Имелся в виду «Давид» Микеланджело. — Ю.К.)

Аудитория грохнула, и «мальчик» похучокчательно. Галина Ивановна поставила ему «зачет», а этот пассаж — «мальчик с головой Давида» — применительно к нашему товарищу живет вот уже пятое десятилетие...

И еще должен сказать: у Галины Ивановны был удивительный взгляд. Какой-то «всепроникающий», что ли... Это ощущалось даже в огромных лекционных залах, а уж, как говорится, тет-а-тет — на зачете, экзамене, консультации — и подавно. Ее взгляд будто доставал до самых глубин твоего, извиняюсь, мозга, точно читая мысли собеседника. И, кстати, в молодости она была очень хороша собой. Н.Т. Сапронова в воспоминаниях писала: «...высокая, стройная, с большими ясными карими глазами, красивым прямым носом, изумительными пышными черными волосами, ниспадавшими на чуть бледное лицо...»

(К слову, еще о волосах. Но на сей раз не Галины Ивановны и не «мальчика», а моих собственных. Тяга к «повышенной лохматости» во мне присутствовала всегда, и как-то, уже в процессе работы над дипломом, Липатникова вдруг, совершенно «не в тему», спросила: «Юрий, а прическа ваша — это дань чему или кому?» Я в первый миг оторопел, а потом выпалил: «Индейцам, мушкетерам, “битлам”!» Она пожалала плечами: «Ну, наверно, не самый худший ряд». И продолжила консультацию.)

А «заметила» Галина Ивановна меня, по-видимому, в ходе семинара «Правда и вымысел в историческом романе». Студентам надо было сделать доклады о различных художественных произведениях исторического жанра. К примеру — «Изображение войны 1812 года в “Войне и мире” Л.Н. Толстого и “Сожженной Москве” Г.П. Данилевского. Сравнительный анализ». Как-то в этом роде. И вот я, извиняюсь, ковырялся-ковырялся в темах, но так и не смог выбрать по душе. Понаблюдав за моими метаниями, Галина Ивановна сухо осведомилась: «И что, господин Кургузов? (Иногда, опять же полуиронично, она величала нас “господами”.) Или темы не вдохновляют?» — «Да

что-то не очень», — признался я. «А о чем бы вы хотели сделать доклад?» — «О чем?.. — Я задумался. — Ну... ну, допустим... о «мушкетерах»...» Она кивнула: «Прекрасно. «История и вымысел в романе Дюма “Три мушкетера”». Творите!»

И я «натворил». Не открывая, естественно, никаких Америк, прошелся по личностям исторических д'Артаньяна и (скромнее) Атоса, Портоса и Арамиса. Надергал из разных статей и научно-популярных книжек информации о подлинной «истории с подвесками», а также залез в последующие части трилогии: мушкетеры и Фронда; мушкетеры и попытка спасения английского короля Карла I; мушкетеры и «Железная Маска»... Ну а в финале меня неожиданно занесло в какие-то ну совсем уж психолого-педагогические дебри: я дал изрядно утрированную характеристику морально-нравственных качеств главных героев. Д'Артаньян — беспринципный карьерист (этакий Растиньак и Дюруа XVII века); Атос — уголовный преступник (повесил любимую женщину только за то, что обнаружил у нее на плече клеймо); Портос — недалекий гуляка и дебошир, мечтающий, однако, о деньгах «госпожи прокурорши»; Арамис — малонадежный товарищ, святоша с двойным дном, озабоченный в основном своими личными делами и интригами. И, «заклеймив» таким образом персонажей Дюма, сделал итоговый вывод: вот каким талантом обладал «Александр Великий», что даже столь сомнительные типы стали под его пером эталоном всех мыслимых и немыслимых лучших мужских качеств, образцом верной дружбы и примером для подражания «подростающим поколениям» не на годы даже, а на века! Уф-ф... Точка.

Своим докладом я сорвал жиденькие аплодисменты добрых одноклассников и по глазам Галины Ивановны понял, что она опусом сим довольна. Позже у нас был упоминавшийся уже спецкурс по культуре Возрождения, после которого Липатникова предложила мне писать у нее курсовую работу. Темой, набравшись наглости, я выпросил творчество Лео-

нардо да Винчи. Деталь уже не помню, но, кажется, во главу угла там было поставлено новаторство Леонардо, и в первую очередь, естественно, его знаменитое sfumato («дымка»). («А хитрость» в том, что одной из моих настольных книг с самого детства была «Леонардо да Винчи» А.К. Дживелегова, да и позже много чего прочел, так что для студента плавал я в волнах итальянского Возрождения достаточно уверенно.) Но...

Но случился тогда некий маленький казус, за который мне стыдно до сих пор... Еще школьником я купил в букинистическом магазине на Кольцовской дореволюционную книгу «доктора философии Цюрихского университета» А. Константиновой «Мадонны Леонардо да Винчи». Показал Галине Ивановне, и та, полистав, попросила ее почитать. А через пару недель сказала: «Весьма любопытная монография. Юрий, может быть, вы мне ее продадите?» Я же, мерзавец, от неожиданности, да и, наверное, «книжной» жадности, пролепетал нечто маловразумительное типа «Ой, да держите сколько хотите!..» На следующий день Липатникова принесла «Мадонн...»: «Благодарю, Юрий». Я принялся было отказываться от книги — ан поздно: «Спасибо, я выписала все, что необходимо». М-да-а...

Однако как бы там ни было, итогом работы над курсовой я остался доволен сразу по трем причинам. Первая — получил «пятерку». Вторая — Галина Ивановна предложила продолжить наше сотрудничество: делать у нее дипломную, на что я, разумеется, с радостью согласился. И причина третья — Липатникова сказала: «Юрий, вы симпатично пишете. Ваш стиль напоминает язык работ Дживелегова». Услышать такое было страшно лестно.

И вот подошло время выбора темы «диплома». Признаюсь, я после курсовой уже настроился было на продолжение «Леонардо», но... Но Галина Ивановна некоторым образом пролила на меня деликатные, однако от того не менее отвлекающие струйки прохладного душа: «Не думаю, Юрий, что вам следует брать-

ся за это. Дабы сказать, хотя бы и в минимальной степени, о Леонардо нечто новое, свое, надо пользоваться итальянскими источниками и специальной литературой, в СССР практически не переведенной. У вас с итальянским как? (Я лишь беспомощно развел руками.) Ну, вот видите. (Кстати, сама владела латынью, английским, немецким, чешским и испанским языками.) Но главное даже не это. Главное — надо отлично знать предмет исследования — картины и фрески. И, конечно же, в оригинале. Раньше в институте была музейная практика, студенты ездили в Третьяковскую галерею, Эрмитаж, а сейчас — увы... (Позже музейная практика была возобновлена. — Ю.К.) — Повторила: — Шедевры, Юра, надо видеть в подлиннике. У меня дома очень много альбомов по искусству, но никакие репродукции не заменят оригинала. Когда я училась в Ленинграде, то постоянно ходила в музеи, особенно, разумеется, в Эрмитаж. А в залах Леонардо и Рафаэля чуть ли не ночевала. — Улыбнулась: — При определенных обстоятельствах из меня получился бы неплохой экскурсовод... — Помолчала и сказала: — В общем, предлагаю вам такую тему: «Утопии».

«Утопии»?! — Я чуть не подпрыгнул на стуле — не знаю уж, чего мог ожидать, но явно не этого. Галина же Ивановна продолжила: «Мы начнем с “Тимея” и “Крития” Платона и ранней средневековой английской народной поэзии, а основной акцент сделаем на “Утопии” Томаса Мора, “Городе Солнца” Кампанеллы и “Новой Атлантиде” Фрэнсиса Бэкона. Проследим особенности утопий в разные эпохи и у разных авторов, а также эволюцию жанра и прочее... — И, выдержав паузу, с нажимом добавила: — Надеюсь, вы понимаете, Юрий, что это оч-ч-чень перспективная тема...»

Вот эти слова я, каюсь, понял тогда лишь наполовину — ну, в том смысле, что студенту-историку советского вуза сам бог велел заниматься истоками коммунистического учения. И, в общем-то, по здравому размышлению темой в итоге ос-

тался удовлетворен — в первую очередь потому, что и Платон, и все другие названные Галиной Ивановной «утописты» (кроме староанглийской поэзии) имелись у меня дома, и я их к тому времени уже читал. Короче — полный вперед!..

Не буду расписывать сам процесс нашей работы над дипломной. Но поскольку длился он почти два года, время это стало для меня поистине бесценным — я в прямом смысле набирался ума (да и, надеюсь, не только ума, а и каких-то иных человеческих качеств) в ходе общения с этой удивительной, энциклопедически образованной, знающей, казалось, все и вся и к тому же подлинно интеллигентной, исключительно порядочной и фанатично преданной науке и делу образования и воспитания своих учеников женщиной и Ученым с самой большой буквы. И речь у нас не всегда шла о Кампанелле с Бэконом. Мы разговаривали и о другой литературе (Галина Ивановна порой рекомендовала мне прочесть какие-то книги); конечно же, о Пушкине, которого она просто боготворила; о музыке (я, признаюсь, пару раз пытался свернуть на рок, но вот тут должного взаимопонимания как-то не сложилось); разумеется, об изобразительном искусстве и многом ином. Однако же по причине достаточно замкнутого и сдержанного характера Галины Ивановны это не были какие-то долгие задушевные беседы — скорее некие «переменки», антракты меж основным действием — подготовкой диплома. Вот, кстати, забавный эпизод. Я уже и в те годы был несколько увлечен «загадкой Атлантиды», и, похоже, увлечение это вылилось в чем-то на страницы работы. Галина же Ивановна, после прочтения очередного принесенного мною куска текста, улыбнувшись, сказала: «Знаете, Юрий, давайте оставим проблему поиска Атлантиды Кусто и Жирову¹. А вы уж не сбивайтесь с курса

¹ Николай Феодосьевич Жиров (1903–1970) — советский ученый-химик, доктор химических наук, создатель собственного учения — «атлантологии», — направленного на выявление рационального зерна в исторических источниках и мифах.

и возвращайтесь из Вермудского трау-гольника в Воронеж». Делать нечего — «возвратился».

И, тем не менее, наверное, между нами все же установились отношения, чуть выходящие за рамки чисто служебных. Зимой 1981-го или 1982-го года Галина Ивановна попросила: «Юрий, вы не можете мне забрать из больницы сестру? Она сломала ногу, отлежала сколько положено, и теперь ее надо отвезти домой. Но сложность в том, что надо донести ее из палаты по лестнице до машины на руках — не работает лифт. Сможете?» Я горячо заверил, что, конечно же, смогу, мне не трудно. На следующий день мы приехали в больницу (травматология под Петровским сквером, бывшие «Казармы Раевско-го»), однако там что-то «не срослось». Я прождал часа два возле окна на лестничной площадке, а потом из отделения вышла Галина Ивановна: «Юрий, извините, пожалуйста, но сегодня сестру не выпишут, только завтра. А завтра придет племянник, так что ваша помощь уже не потребуется. Еще раз простите за беспокойство». — «Да что вы, что вы, Галина Ивановна!» — замахал я руками, ну и ушел. А дня через два или три мы продолжили работу над дипломной.

И вот когда она была уже практически готова и до защиты оставалось где-то с месяц, Галина Ивановна вдруг задала мне ну совершенно неожиданный вопрос: «Скажите, Юрий, а у вас нет ли, часом, кого-нибудь... в плане поддержки?» — «То есть?» — не понял я, но уже при следующих ее словах понял. Как понял и что она имела в виду, выбрав два года назад именно такую тему работы. «Вы знаете, мне в ассистенты настойчиво предлагают какую-то девочку, но я хотела бы видеть на этом месте вас. Я и сама попробую что-то сделать, но...»

Но «поддержки» у меня не нашлось. (Да, если честно, не больно-то я ее и искал. Почему? А уже и не помню. Хотя, скорее всего, просто не ощущал в себе склонности к преподавательской работе.) Ну и Галина Ивановна, видимо, не смогла меня «продвинуть». В общем, к

моменту защиты диплома вопрос этот нам уже не обсуждался. А защита прошла отлично — председатель экзаменационной комиссии профессор Владимир Павлович Загоровский назвал работу лучшей на курсе, и признаюсь абсолютно искренне: больше я порадовался не за себя, а за Галину Ивановну — она была очень довольна. И я горячо поблагодарил ее: и за «пятерку», и за все-все остальное. Ну а потом были «госы», вручение дипломов, выпускной вечер в кафе «Былина», и там мы попрощались с институтом и нашими любимыми (и нелюбимыми тоже) преподавателями...

А месяца через два я случайно встретил Галину Ивановну на автобусной остановке возле пединститута. Она поинтересовалась моей судьбой: где я? кем? Услышав, что тружусь корректором в Центральном-Черномозгом издательстве, одобрительно кивнула: «Прекрасно, Юрий! Весьма подходящее для вас место работы. Писать не начали? Нет? Ну, надеюсь, еще начнете... Ой, всего доброго, мой автобус!..»

Вот так закончилось мое общение с Галиной Ивановной Липатниковой... Хотя нет, мы виделись еще один раз: году в 1987–88-м, во время традиционного факультетского вечера встречи выпускников, Галина Ивановна пришла на полчаса в актовый зал института. Поговорили несколько минут; она (ведь не забыла же!) снова спросила: «Юрий, пишете?» И я заалел как красна девица: «Да пытаюсь, Галина Ивановна...» — «Ну, может, когда-нибудь покажете». — «Конечно! Обязательно, Галина Ивановна!..»

Но больше мы уже не встретились. Человек, увы, эгоистичен по сути, да тут еще, как-то оторвавшись в «безумные 90-е» надолго от «альма-матер», я, к стыду своему, только в конце их узнал, что Галины Ивановны уже нет...

Из воспоминаний Н.Т. Сапроновой:
«...В 1984 году в связи с ухудшением здоровья Галина Ивановна оставила работу. Ее постоянное недомогание требовало присутствия надежного помощ-

ника и друга. И таким человеком стала Людмила Ивановна, ее верная сестра и подруга. Коллеги по кафедре, некоторые из учеников часто навещали ее, и общение с ней доставляло огромное удовольствие, так как оно было сопряжено с человеком неиссякаемого духовного богатства...

Аспирантка кафедры Галина Ивановна Лепехина была постоянным помощником и собеседником своего учителя. Обе любили поэзию и часто о ней беседовали. Своей ученице старшая Галина Ивановна говорила о намерении подготовить статью о Пушкине и значении его творчества в условиях перестройки...

Автор этих строк была частым гостем и помощником большого друга... Но, разумеется, роль Людмилы Ивановны, несмотря на ее возраст и нездоровье, в уходе за сестрой была бесценной...

1 апреля 1992 года жизнь Галины Ивановны Липатниковой оборвалась. Но остались труды ученого и сотни учеников, в образование и воспитание которых она вложила все свое духовное богатство и щедрость своего сердца...

Глубоко душевные, прекрасные страницы воспоминаний посвятили Галине Ивановне в сборнике «Их именами славлен факультет» (ВГПУ, 2011) ее коллега и друг Анна Андреевна Елфимова и ученицы Липатниковой — доцент кафедры зарубежной истории ВГПУ Галина Лепехина и доцент кафедры общей и педагогической психологии Тамара Пушкина... А скольких людей я «растормошил» при подготовке этого материала! Доцент кафедры истории России Сергей Гапочка вспоминал, как к «Студенческой весне» то ли 1979-го, то ли 1980 года, под уже не научным, а художественно-юмористическим руководством Галины Ивановны ребята-истфаковцы ставили отрывок из «Двенадцатой ночи» Шекспира (Серега был Мальволио), и как она в течение ряда лет руководила факультетским клубом «Любителей искусства». Галина же Иванова, ныне проректор по молодежной по-

литике и воспитательной деятельности Воронежского государственного университета инженерных технологий, проработавшая в родном педвузе два десятилетия, рассказала, как они с Сергеем навещали тяжело больную Галину Ивановну в ее маленькой однокомнатной квартирке на Левом берегу. «Она уже не вставала, была очень слаба, но обрадовалась нам, даже улыббалась — особенно когда Сергей «в лицах» напомнил, как играли когда-то Шекспира... А через неделю ее не стало...»

— Несколько лет назад мы с дочерью были в туристической поездке по Италии, — говорит еще одна ее ученица, моя сокурсница Юлия Хорошаева. — Рим, Флоренция, Неаполь, Сиена, Падую... И ты знаешь, во мне вдруг точно ожили лекции Галины Ивановны из того самого спецкурса... Иду по какой-нибудь галерее и думаю: «А где-то здесь должен быть Боттичелли...» — и вот он, прямо передо мной! К другим членам группы со своими пояснениями лезла, даже с экскурсоводом дискутировала. А когда были в Падуе, заметалась: ведь тут же Капелла дель Арена, расписанная самим Джотто, о которой Липатникова так вдохновенно рассказывала!.. Но оказалось, что посещения капеллы в экскурсионной программе нет, и... И мы с дочерью сбежали от группы и сами, «дикарями», посетили это чудо! Потом чуть не заблудились, еле к отправлению автобуса успели... И во время всей поездки я вспоминала Галину Ивановну, которая учила нас не только истории средних веков и искусства Возрождения, — она учила нас жизни... Юра, как же много она нам дала!..»

...Эх-х... а понимали ли мы, тогда молодые и, чего греха таить, далеко не во всем шибко умные, это сорок лет назад? Наверное, не очень.

Но, слава богу, время хороший не только лекарь, но и педагог...

Ваши благодарные ученики помнят и любят Вас, дорогая Галина Ивановна! Огромное Вам спасибо за все!..